

```
<!-- /* Style Definitions */ p.MsoNormal, li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-parent:""; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:36.0pt; line-height:18.0pt; mso-line-height-rule:exactly; mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoFootnoteText, li.MsoFootnoteText, div.MsoFootnoteText {mso-style-noshow:yes; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoHeader, li.MsoHeader, div.MsoHeader {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:36.0pt; line-height:18.0pt; mso-line-height-rule:exactly; mso-pagination:widow-orphan; tab-stops:center 207.65pt right 415.3pt; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoFooter, li.MsoFooter, div.MsoFooter {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:36.0pt; line-height:18.0pt; mso-line-height-rule:exactly; mso-pagination:widow-orphan; tab-stops:center 233.85pt right 467.75pt; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} span.MsoFootnoteReference {mso-style-noshow:yes; vertical-align:super;} p.MsoBodyTextIndent, li.MsoBodyTextIndent, div.MsoBodyTextIndent {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:36.0pt; line-height:18.0pt; mso-line-height-rule:exactly; mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p.MsoBodyText2, li.MsoBodyText2, div.MsoBodyText2 {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; line-height:150%; mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman"; text-transform:uppercase;} p.MsoBodyTextIndent2, li.MsoBodyTextIndent2, div.MsoBodyTextIndent2 {margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; text-align:justify; text-indent:35.45pt; line-height:150%; mso-pagination:widow-orphan; font-size:14.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman"; font-style:italic;} /* Page Definitions */ @page {mso-footnote-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_header.htm") fs; mso-footnote-continuation-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_header.htm") fcs; mso-endnote-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_header.htm") es; mso-endnote-continuation-separator:url("file:///C:/DOCUME~1/User/LOCALS~1/Temp/msohtml1/01/clip_header.htm") ecs;} @page Section1 {size:595.3pt 841.9pt; margin:70.9pt 36.85pt 70.9pt 3.0cm; mso-header-margin:36.0pt; mso-footer-margin:36.0pt; mso-paper-source:0;} div.Section1 {page:Section1;} /* List Definitions */ @list l0 {mso-list-id:1306281648; mso-list-type:hybrid; mso-list-template-ids:1922227146 -1 -1 -1 -1 -1 -1 -1 -1;} @list l0:level1 {mso-level-tab-stop:36.0pt; mso-level-number-position:left; text-indent:-18.0pt;} ol {margin-bottom:0cm;} ul {margin-bottom:0cm;} -->
```

ПРОЦЕСС Формирования масс: социологический анализ проблемы

ЛУКОВ Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор.

Уже в самом названии этой книги заложены две социологические оппозиции. Одна из них легко угадывается в сопоставлении с «Восстанием масс» Хосе Ортеги-и-Гассета. Правда, соотнесение названий двух книг обманчиво. У Ортеги восстание — вовсе не народная революция, не высший пик классовой борьбы, а массы — вовсе не народ, не трудящиеся и т. д. В его трактовке восстание масс — это противодействие посредственности прогрессу, вызов, бросаемый привычкой к комфорту, творчеству меньшинства, ее идейным и нравственным поискам. Испанский мыслитель писал: «Суть такова: Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой» [2, с. 348]. Это было сказано в 1930 г., но при всех крупнейших исторических переменных, произошедших с того времени, проблема сохраняет свое звучание в современной Европе и в мире в целом. Другая оппозиция раскрывается скорее как реминисценция с относительно недавним нашим прошлым, с тем временем, когда важнейшей идеологической позицией и критерием эффективности идеологии выступало формирование личности определенного (предписанного партийными директивами) типа.

Восстание масс своим энтузиазмом (если иметь в виду революции) или консерватизмом (если придерживаться трактовки Ортеги-и-Гассета) рождает новые формы социальности, поразительно стандартизированные, нормативность которых обеспечена единством воли и мысли в эти периоды самоорганизации. Восстание масс в том смысле, который вкладывает Ортега, можно толковать как новое варварство, как отказ «среднего человека» от высокой культуры — удела элит. *Формирование личности по образцам*

достигает во многом того же эффекта, поскольку образующееся на определенном этапе массовое число сформированных по единой модели личностей задает параметры

социального контроля, обеспечивает ту же жесткую нормативность общественных действий.

Идет ли размышление О. И. Карпухина и Э. Ф. Макаревича в этих двух обозначенных направлениях? И да, и нет. Или точнее — и нет, и да. Нет — в том смысле, что авторы книги и не ставят перед собой цель — противопоставить свое видение массы тому, которое было у Ортеги. Они знают о точке зрения автора «Восстания масс», но не придают ей особого значения среди других (А. Грамши, Г. Маркузе, Х. Арендт и т.д.), просто обозначив свое понимание проблемы. Здесь же, в «Формировании масс», масса определяется как «трудящееся большинство населения» [1, с.11] [\[1\]](#). Авторы считают, что такая трактовка, восходящая к ленинскому пониманию массы, «близка социально-психологической оценке» Ортеги (с. 13). На мой взгляд, это дискуссионно, но в данном случае свидетельствует о том, что более основательный анализ проблемы на понятийном уровне не входил в задачу О.И. Карпухина и Э.Ф. Макаревича. Точно так же можно сказать и о трактовке формирования личности по образцам. В книге есть глава, посвященная программированию человека массы (глава 7), но, построенная на анализе германского опыта пропагандистской машины гитлеровской Германии, она не содержит обобщений, выходящих за рамки этого исторического материала.

Да — в том смысле, что авторы разрабатывают обширную группу проблем информационного общества, в котором управление людьми через общественные связи приобретает определяющее значение. «Власть, — пишут они, — все более опирается на культуру формирования масс, на культуру влияния на человека... мощь и сила любой власти в XXI веке, на наш взгляд, будет оцениваться не мощью репрессивного аппарата и наличием богатства, а силой и широтой распространения технологий отношения с общественностью, технологий социального контроля, — то есть технологий “паблик рилейшнз”, управляющих культурой формирования масс и влияния на человека» (с. 542–543). Такова идея их книги, и она все время возвращает авторов к ключевому вопросу о силах и средствах, обеспечивающих социальную устойчивость и ведущих к изменчивости общества.

Итак, исследователи рассматривают процесс формирования массы, «массового» человека как совокупность социальных действий, имеющих своей целью формирование или изменение ценностей и потребностей массы и человека массы, их идеологических ориентиров и настроений, а в конечном счете и поведения (с. 3). «Формирование массы — ежедневное, постоянное — предусматривает привитие ей определенных жизненных ценностей, консолидацию ее вокруг этих ценностей, а также вокруг лидера нации или вождя» (с. 13). Такой подход позволяет О. И. Карпухину и Э. Ф. Макаревичу включить в анализ различные стороны культурного процесса. Они размышляют о значении культурных различий для управления обществом и вводят понятие «разность

потенциалов культур» (с. 48), ставят вопрос о цене ликвидации разности культур и в этой связи рассматривают плюсы и минусы советского опыта 30–50-х годов (с. 52–61), обращаются к современным концепциям культурной политики, которая осмысливается как политика влияния на массы (этой проблеме посвящена глава 3) и т. д.

Трактовка культурной политики в книге представляет особый интерес. На первый план выдвигается вопрос о том, можно ли управлять культурой. Авторы развивают аргументацию в том направлении, которое определяется их выводом: «... свобода творчества ничего не порождает, если напрочь исчезает регулирование социальных и экономических условий творческой деятельности. Так нормативно-правовой вакуум порождает духовный» (с. 84). В этом несколько полемически заостренном выводе проглядывается, на мой взгляд, тенденция всей книги, придающая ей целостность и известную стройность, хотя очевидно, что она не конструировалась как жестко детерминированная схема. Целостность авторской позиции состоит в том, что культурный процесс не связывается лишь с какой-то одной его стороной и рассматривается как совокупность разнообразных социальных связей, на структуру и интенсивность которых можно оказывать управленческое воздействие. Вот почему в одном ряду оказываются проблемные поля распространения массовой культуры и менеджмент социокультурной сферы.

Основное внимание авторы уделяют историко-социологическому исследованию общественных связей и «публич рилейшнз». Именно здесь им видится механизм формирования масс. Концепция общественных связей как системы влияния на людей излагается в главе 4. По О. И. Карпухину и Э. Ф. Макаревичу, общественные связи являются «одной из форм социальных связей — социального взаимодействия, являются системой реализации взаимной потребности частей социального организма» (с. 164). Несколько неясное определение не становится яснее и при представлении ими обобщенной характеристики понятия, которая оказалась, видимо, слишком громоздкой. *«Итак, — пишут авторы, — общественные связи — это система реализации взаимной потребности всех частей социального организма, это система формирования масс, влияния на человека, на классы, социальные слои и группы с целью обеспечения социального взаимодействия. Общественные связи как система производства и передачи информации, пронизывая весь социальный организм, обеспечивают производительную силу коммуникаций. Их можно рассматривать как средство и как процесс регулирования отношений во имя общественного прогресса между властью и обществом, между бизнесом и обществом, между культурой и обществом, а также внутри власти, бизнеса и культуры как сферах человеческой деятельности. Процесс регулирования отношений в сфере политики, экономики, культуры обеспечивает общественный прогресс и равновесие в системах координат: человек — политика, человек — экономика, человек — культура. Процесс регулирования отношений осуществляется путем обмена информацией»* (с. 167, курсив авторов). Здесь, как и в некоторых других определениях, имеющих в

4

книге, на мой взгляд, видна попытка к полноте и к законченности дефинитивной формы оборачивается усложнением и потерей специфики предмета. За пределами дефиниций авторы более внятно обозначают свою позицию. Через метафору «информационный мост» (между властью, бизнесом, культурой и обществом) смысл общественных связей проясняется много лучше и больше соответствует тому, как они представлены в книге. Подобным образом ясность в суть концепции О.И. Карпухина и Э.Ф. Макаревича вносит выделение ими форм общественных связей, к которым отнесены образование, религия, пропаганда, массовая культура, реклама. Иначе говоря, «общественные связи действуют в режиме образования, религии, массовой культуры, в режиме пропаганды или рекламы, имеющих объектом своего воздействия человека» (с. 167).

Обращение к проблематике общественных связей позволяет авторам рассмотреть роль в их реализации средств массовой информации и основание этой роли — сущность массовых информационных процессов. Исследователи придерживаются формулы Г. Маклюэна (отвергая его крайние воззрения): средство информации влияет на характер информации, на ее содержание, но при этом подчеркивают, что именно связь средств массовой информации с культурно-исторической средой определяет сущность их деятельности в рамках «публик рилейшнз» (с. 181), что далее демонстрируется на современном отечественном опыте. Перед ними стояла сложная терминологическая задача разведения смыслов понятий «общественные связи» и «публик рилейшнз» (поскольку последнее и следует перевести как «общественные связи»). Она решена вполне убедительно: «публик рилейшнз» рассмотрены, с одной стороны, как идеология управления, благодаря которой определяются цели, принципы, формы воздействия субъекта на общественность, а с другой — как управленческая структура по реализации общественных связей. Субъект общественных связей, таким образом, отличается от субъекта управления ими (с. 234).

Спецификой обладают и формы влияния через информацию в технологиях «публик рилейшнз». Изучая данный вопрос, авторы обращаются к понятию «мифоимидж». Их подход имеет несколько неожиданную исходную установку: «Что является в процессе влияния на человека массы исходным, первичным, системообразующим элементом, универсальным для всех форм общественных связей и типов общества? Им является миф» (с. 283). Из этой установки и проистекает представление о мифоимидже как трансформации отображений мира (в виде идей, понятий, историй, преданий, знаков, символов) «в образы, впечатления, а значит в имиджи». «По сути, массовый человек оперирует не мифами-идеями, понятиями, историями, символами в “чистом виде”, а впечатлениями от мифов, то есть мифоимиджами» (с. 287). Рассматривая в своей книге миф как продукт общественных связей, исследователи выстраивают иерархию мифоимиджей, включающую личностные, социальные, мировоззренческие мифоимиджи, имидж политиков и лидеров как технологию их продвижения на политическом рынке (с. 293–300). Здесь, в проблематике мифоимиджей, как и в исследовании пропаганды (и их продукции — пропагандистских мифов),

информационных войн, рекламы, массовой культуры, авторы стремятся выявить конструктивные стороны манипулирования общественным сознанием и дать нравственную оценку программирования массовых человеческих реакций и действий.

Значение, которое приобретает в информационном обществе «публик рилейшнз», все более становясь действенным средством социального контроля масс, обстоятельно анализируется в главе 8. Авторы показывают, как стандартизация массового поведения превращается в регулирующий это поведение инструмент, как «публик рилейшнз» эффективно применяется в политической, экономической, конкурентной борьбе, как организуется управление лидерами, как создаются ситуации, позволяющие использовать их в заранее определенных целях, и т. д. Все это ставит сложную проблему применения таких манипулятивных средств в обществе, утверждающем идеалы демократии и свободы личности. Вывод исследователей о политической составляющей данной проблемы: «Демократическое общество, в котором господствуют современные политические технологии, основанные на инструментальном знании, крайне сужают политические свободы граждан» (с. 431). Анализ фактов избирательных кампаний последнего времени показывает, что электоральное поведение граждан было вполне управляемым. «Но, — подчеркивают авторы, — оно управляемо и в других ситуациях... Несомненно, что сегодня политическая, социальная, бытовая сферы общества стали полем наступления технологий “публик рилейшнз”, ограничивающих свободу человека» (с. 442).

На Западе, по оценке видных философов и социологов (Ю. Хабермас, А. Зиновьев) дело все больше идет к созданию обществ, подобных антиутопиям Оруэлла или Замятина. Аналогичные процессы уже не раз проявились в конкретных ситуациях и событиях, имевших место в последнее десятилетие и в нашей стране. О.И. Карпухин и Э.Ф. Макаревич стремятся осмыслить влияние на человека, его жизненный выбор современных управленческих средств. Их работа содержит обширный материал, взятый из реальной жизни современной России, других стран мира.

Что же возникает в процессе формирования масс — стратегии социального управления, которая получила свое развитие в XX в. и как идея, и как технология? Авторы книги показывают, что важнейшим итогом данного процесса становится новое качество социального контроля, обеспечивающего известную готовность масс действовать по заранее разработанным политехнологами, маркетологами, имиджмейкерами и т. д. схемам. Эти достаточно эффективные действия сужают возможности свободного выбора человека в сферах политики, экономики, культуры. Они сказываются на процессе социализации новых поколений. Этому последнему аспекту посвящена глава 11, в которой социализация и самоидентификация молодежи рассматриваются как «результат влияния массовой культуры» (с. 513). Такая постановка темы содержит

неточность, поскольку и социализация, и самоидентификация личности не являются результатом одного, хотя бы и особо значимого фактора. Материал главы, основанный на нескольких анкетных опросах, проведенных в конце 90-х годов с участием авторов, подтверждает нечто другое, а именно заметные различия в молодежной среде по большинству анализируемых позиций. Вряд ли обосновано можно говорить о том, что исследования последних лет выявили «общий ценностный и нормативный кризис у молодежи, выразившийся у определенной ее части в дегуманизации и аморализме жизненных установок» (с. 522–523). Такой кризис характерен для российского общества как целого и в силу этого проявляется и в молодежной среде, где в силу несформированности ценностных позиций еще не может быть полномасштабного кризиса ценностей.

Однако важнее то, что авторы нашли верный путь к трактовке социальных последствий изучаемых процессов формирования масс: они ведут поиск таких последствий через анализ фактов сознания и поведения молодого поколения, где открытость к внешним влияниям в силу естественных причин очень высока. Кроме того, исследование молодого поколения — это в определенной мере исследование будущих состояний и тенденций развития общества.

На мой взгляд, книга О.И. Карпухина и Э.Ф. Макаревича дает концептуальное видение общественных связей как особой формы социальных взаимодействий, которая в последние десятилетия получила во многих областях применения технологическое оформление (в виде «публик рилейшнз»). По мысли авторов, формирование масс через инструменты общественных связей, ведущее к усилению социального контроля, способствует стабильности общества, снижению вероятности социальных конфликтов. Процесс формирования масс противоречив, и авторы это показывают на материалах истории XX века. Политические режимы, которые принято называть тоталитарными, первыми освоили технологии формирования масс, положив в основание данных технологий принцип закрытости информации, харизмы вождя. Намного сложнее оказалось строить технологии формирования масс на принципах информационной открытости, прозрачности управляющих систем, но и здесь заметны немалые достижения, как, впрочем, и проблемы не только технологического, но и социально-философского, этико-культурного, социологического характера.

Между Сциллой всеобщей доступности и избыточности информации и Харибдой тотального управления человеческим сознанием и поведением трудно продвигаться кораблю информационного общества. Над этим вновь заставляет размышлять историко-социологическое исследование двух видных ученых и публицистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карпухин О., Макаревич Э.* Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «публичных отношений»: Опыт историко-социологического исследования. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 547 с.

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

[\[1\]](#) Далее в скобках будет даваться нумерация страниц книги О.И. Капухина и Э.Ф. Макаревича.